

Талина Врублевская

**Литературный
автопортрет**

Диалоги в виртуальной гостиной

Мемуары и автофикшн

Галина Врублевская

**Литературный автопортрет.
Диалоги в виртуальной гостиной**

«Издательские решения»

Врублевская Г. В.

Литературный автопортрет. Диалоги в виртуальной гостиной /
Г. В. Врублевская — «Издательские решения», — (Мемуары и
автофикшн)

ISBN 978-5-44-838831-6

В этой книге рассказывается о тернистом пути писателя в наше время.
Прочитав интервью и очерки, вы узнаете о трудностях и взлетах в творческой
жизни сочинителя, о взаимоотношениях с издателями, о том, какую роль
в творчестве играют предыдущие профессии автора.

ISBN 978-5-44-838831-6

© Врублевская Г. В.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
От редактора	6
От автора	7
Интервью Натальи Нутрихиной:	9
Статья Галины Врублевской:	13
Интервью Ольги Топровер:	15
Статья Галины Врублевской: «„Лишние люди“ в романах двух Александров»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Литературный автопортрет Диалоги в виртуальной гостиной Галина Врублевская

Галина Врублевская *Автор-составитель*

Наталья Нутрихина *Редактор*

Виктория Врублевская *Дизайнер обложки*

© Галина Врублевская, 2019

© Виктория Врублевская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4483-8831-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

От редактора

Петербурженка Галина Врублевская по первому образованию – инженер-акустик. Научную деятельность оставила в 1991 году, позже получила психологическое образование и, работая в новой сфере, начала писать. Она автор сборников рассказов, образовательных книг по психологии и одиннадцати романов.

Галина Врублевская – член Гильдии психотерапии и тренинга. Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

От автора

Порой читатели спрашивают меня: «Вы свои сюжеты выдумываете из головы или берете из жизни?». Интересуются тем, как родственники и знакомые относятся к моим сюжетам, обижаются ли, заметив сходство с персонажами, и задают много других наивных вопросов. А начинающие писатели выпытывают более тонкие секреты моей «писательской кухни»: для кого я пишу книги – «для себя или для читателей», ожидаю ли я вдохновения или пишу по принуждению, дисциплинируя себя. И главный их вопрос: как я – автор из самотека – нашла издателей!

Я могла бы создать учебное пособие, разложить по полочкам свои представления о ремесле писателя: о построении сюжета, о создании характеров, об исследовании фактуры произведения, только смысла в этом не вижу. Существует много отличных руководств по технике написания текстов, но – уверяю вас – писателем не стать, потребляя только пережеванную учителями информацию. Однако можно вырулить на писательскую дорогу, если научиться добывать информацию самостоятельно, по крупицам извлекать ее из разнообразных источников, в том числе, из рассказов других авторов об их опыте.

В разные годы, как только у меня стали выходить книги, я давала письменные и устные интервью своим близким и дальним коллегам, друзьям по интернету – и у меня сохранились эти тексты. А частью они сохранились и на тех интернет-ресурсах, на которых были опубликованы изначально.

Предлагаю эти интервью вашему вниманию с любезного разрешения журналистов, блогеров и модераторов сайтов, сумевших сподвигнуть меня на размышления о своей жизни и о писательском мастерстве. Благодарю тех, кто однажды заметил меня среди начинающих авторов, и тех, кто впоследствии оценил мой профессиональный рост. Эти люди живут в разных городах и в разных странах, и с некоторыми из них я никогда не встречалась в жизни, но все они как бы рядом со мной: и в моей душе и под этой обложкой.

Интервью в книге расположены в порядке, обратном хронологическому: то есть, вначале самые свежие, а ранние – в конце. В этом же порядке я выношу на эту страницу фамилии моих интервьюеров.

Наталья Нутрихина, член Союза писателей Санкт-Петербурга, поэт, редактор, издатель; , писатель и журналист, Калифорния, США; [Ольга Топровер](#)

, блогер из Хайфы, Израиль; [Наталья Дубровская](#)

, журналист, писатель, Ростов-на-Дону; [Денис Чекалов](#)

Ирина Серебренникова, поэт, член Литературного собрания «Соратники», Санкт-Петербург;

, продюсер, Генеральный директор интернет-СМИ, Москва; [Иван Лепехов](#)

Зоя Тарасова, журналист, Москва;

, владелец сайта романтической литературы, Москва. [Анжелика Тихомирова](#)

В книгу, кроме интервью, выборочно включены комментарии из блога Натальи Дубровской (они оформлены, как «Диалоги в виртуальной гостиной»), а также мои авторские статьи.

[Авторский сайт](#)

Автор-составитель
Галина Врублевская

Интервью Натальи Нутрихиной: «Чудо Галины Врублевской»

– Поводом для нашей встречи стало приятное для поклонников творчества Галины Врублевской событие: издательство «Эксмо» начало в минувшем году персональную серию ваших книг. Уже вышло семь романов, и в первой половине 2017 года в этой серии планируется выпуск еще нескольких книг.

Многие вам завидуют и думают: чем ваши произведения лучше других? Ведь многие, на мой взгляд, интересные рукописи иных авторов отклоняются (или даже не рассматриваются) издательствами. Люди тратят собственные деньги, чтобы издать книгу тиражом сто—двести экземпляров и раздарить знакомым. Ваши же книги печатают приличным для нынешних времен тиражом, да ещё вам за них платят (или хотя бы обещают заплатить). Как это объяснить?

– Для начала я не стала бы исключать вариант, что мои книги, действительно, очень хороши (здесь я поставила бы смайлик, если бы писала в соцсети), или, по крайней мере, имеют свои достоинства и преимущества, потому их издали в таком количестве. Однако интересно разобрать и другие версии возможных причин события.

Как оно все начиналось. Толчком к открытию моей серии стал предложенный мною «Эксмо» новый, весьма необычный по сюжету, роман – «Женщина с чужим паспортом». В нем героиня средних лет повторно проживает молодость, ибо волею случая «стрелки часов» ее жизни переведены почти на пятнадцать лет назад. Все происходит в обстоятельствах житейских и без всякой фантастики.

Роман одобрили редакторы, и со мной начались переговоры о его издании. Но в наше время книги массово почти не издаются поодиночке, без привязки к каким-нибудь сериям: тематическим или авторским. И поскольку за предыдущие двенадцать лет у меня уже вышли десять романов в подобной женской серии другого издательства, то для маркетологов «Эксмо», вероятно, не составило труда прогнозировать степень читательского интереса к моим книгам, а также определить их вероятную востребованность в перспективе. Я и сама замечала по предложениям в интернет-магазинах, что многие романы в бумаге исчезли из продажи, тогда как электронные версии на Литресе скачивались с удивительным постоянством.

Плюсом в пользу решения об издании и переиздании моих романов могла стать и определенная известность имени среди читателей, увлекающихся психологией – ведь мои первые книги имели прикладной характер и адресовались, прежде всего, им. А впоследствии психологизм неизменно пронизывал и мои художественные произведения.

Но все, что я сейчас сказала – это лишь мои предположения. Издательство, как правило, не делится с авторами своими бизнес-идеями. Ведь издание книг (в отличие от их сочинения) – именно бизнес, а главное в нем – успешные продажи. Этим можно объяснить, почему издательство порой отклоняет чей-то «черный квадрат», но выбирает «девочку с персиками».

У меня с годами сложилась проверенная и достойная аудитория: в моих книгах читатели находят отзвуки собственных мыслей и чувств. Многие любят женскую прозу вообще и женские романы, в частности (по некоторым данным, это 75% женщин и 25% мужчин).

– Что такое «женский роман»? Есть какое-нибудь определение? Вроде бы, даже какие-то ушлые мужики пишут от женского имени.

– Однажды мне пришлось дать развернутое интервью, что такое «женский роман» и чем он отличается от мужского. Здесь скажу кратко: женский роман – это роман, написанный женщиной и выражающий ее природный взгляд на мир. Попутно замечу и об «ушлых мужиках»,

которых вы здесь упомянули. Ни одна подделка не достойна называться литературой. Хотя, разумеется, рассказать талантливо о женщине может и мужчина-писатель.

– Когда вы почувствовали в себе желание писать. Часто оно возникает ещё в школьные годы. И почему выбрали в юности технический вуз? Под давлением родителей, которые хотели, чтобы у дочери была надёжная профессия? Или просто этот институт оказался ближе к дому?

– Теперь я понимаю, что писательский склад характера у меня проявился еще в детстве. Порой я молча наблюдала за какими-то явлениями и событиями, анализировала их, рефлексировала по поводу своих поступков, вела дневник. И всегда, когда была возможность, на уроках литературы писала сочинения на свободную тему. И даже занималась в школьном кружке журналистики, поставляя свои заметки и короткие очерки в стенгазету. Но в школьные годы я посещала разные кружки и не связывала занятия в каждом из них с будущей профессией.

Выбор мной технического вуза обусловлен временем. Это был период хрущевских реформ, и в год моего выпуска учащиеся не могли со школьной скамьи поступать в университет на журналистику, историю или психологию – профессии, которые мне нравились – требовалось два года рабочего стажа. Откладывать поступление в институт я не хотела. Кроме того, все были воодушевлены первыми полетами советских космонавтов – тогда «физики» были в почете – особенно в школе с физико-математическим уклоном, где я училась.

О родительском давлении и речи идти не могло: тогда школьники были намного самостоятельнее нынешних. Дети не только бегали по улицам, где хотели; сами выбирали кружки и занятия по интересам, а подрастая, и институты выбирали себе сами.

– Кому из писателей вы подражали в первых своих работах? Кому теперь?

– Подражать (если под этим иметь ввиду стилизацию) я бы не смогла никому, ведь я – не филолог, и такого рода словесные игры мне недоступны. Я посещала различные ЛИТО, а в них, в основном, постигалась наука, как писать нельзя. Когда я или другие студийцы выносили свои рассказы на обсуждение, то критика всегда была жесткая, а хвалили очень редко. И оказалось, что от обратного тоже можно учиться мастерству.

В какой-то момент, уже имея публикации в газетах и тонких журнальчиках, а также изданные книжки по психологии, я засела за роман. Он уже сам вырывался из души, только я не знала, как романы пишутся. Тогда я взяла книгу «Доктор Живаго» и вывела алгоритм построения сюжета из готового произведения, то есть, проследила по главам все перипетии: нарастание конфликта, кульминацию и развязку. Ведь у Пастернака только стихи непостижимы, а как написана его проза, можно понять.

Так я написала свой первый роман «Половина любви». Такую «исследовательскую» работу проделала только один раз. Со временем пришел нужный навык, чтобы самой создавать разветвленные структуры, пропуская сквозь них гирлянды фантазий. Возможно, моя проза и может оказаться с чьей-то на параллельных курсах, но с чьей – не мне решать.

Я могу только назвать писателей, чьи книги любила читать. Это и Вера Панова, и Галина Щербакова, и Людмила Улицкая (в рассказах). Это Джон Фаулз, Айрис Мэрдок, Владимир Набоков. Пожалуй, остановлюсь, потому что они неподражаемы все равно.

– О том, что кто-то из бывших сотрудников-инженеров счел «неправильными» некоторые эпизоды из романа «Прощай, почтовый ящик», мы уже читали в вашем блоге. А не узнавали ли они себя в героях других ваших романов и повестей, не обижались ли?

– К сожалению, так бывает, когда знакомые, в каких-то деталях узнавая свою жизнь и черты своего характера, порой обижаются. Иногда же я оказываюсь в полной растерянности, когда почти посторонний человек вдруг выговаривает мне, зачем вывела его в романе – при том, что я ни сном, ни духом, то есть, не имела ввиду конкретно его.

Запомнился случай, когда на одной встрече с читателями, подошла совсем незнакомая женщина и спросила, откуда я знаю ее имя-фамилию. Она оказалась полной тезкой моей главной героини в романе. И эта читательница не поверила моим заверениям, что я ни от кого про нее не слышала. Тоже отошла обиженная. Но тогда я порадовалась, что смогла создать столь характерный образ, в который добровольно воплотился реальный человек, то есть отождествил себя с художественным персонажем.

– **Всё чаще можно услышать, что слово как бы материализуется. Сказанное слово и особенно написанное. Имеются ли в ваших романах случаи, которые произошли уже после того, как книга была опубликована? Какие-нибудь невероятные совпадения, которых и быть не может, но в жизни случаются.**

– Ничего серьезного по следам моих романов не случилось. Лишь в одном произошло небольшое совпадение. Едва я написала, что героиню романа укусил лесной клещ, как в скором времени я пошла в лес, и в меня тоже вцепился клещ. Притом никогда – ни до, ни после – у меня с клещами неприятностей не было. К счастью, более драматичные истории с этой героиней, обошли меня стороной. Так что, ничего пророческого в моих романах нет или... я ничего про это не знаю.

– **С какими из своих героев вы отождествляете себя? Какой из своих романов считаете наиболее удачным и с какого советуете начать знакомство с вашим творчеством?**

– Каждой из главных героинь я дарю частицу себя, но ни с кем не отождествляю.

Разделить свои романы на удачные и неудачные, сама не смогу. Потому что в одних книгах мне лучше удались образы героев, в других – более закрученная фабула, в третьих – интересный психологический подтекст. Кому-то я советую почитать про героиню-психолога (роман «Загадки любви»), кому-то про поиски семейных корней («Море. Корабли. Девушка»), кому-то роман-сагу «Половина любви» или зажигательный, ироничный водевиль «Жена, любовница, подруга».

Однако всем без исключения я рекомендую прочесть «Королеву придурочную». Интрига этого романа завязана на истории несправедливо обиженной жизнью и мужчинами женщины-врача, на темных сделках с собственностью санатория, на теме зависти, и не только. Тут же даны картины проявления бытового суеверия, вера в сомнительные врачебные манипуляции. И надежда героев на чудо тоже вызывает улыбку.

И все же чудеса случаются: я испытала это на себе. Издание и переиздание всех моих романов в персональной серии издательством «Эксмо» останется для меня настоящим чудом в моей литературной судьбе!

– **Значит, вы можете считать себя успешным писателем?**

– Смотря, что понимать под словами «успешный писатель». Если высокие позиции в рейтингах продаж книжных магазинов, то это не обо мне. Но я считаю себя успешным писателем, потому что у меня всё сложилось так, как хотелось. Замыслы и фантазии воплотились в рукописи, рукописи стали книгами, а книги встретились со своими читателями.

2017

Живой журнал Литературного сообщества [«Беллетрист»](#)

Диалоги в виртуальной гостиной

Наталья Дубровская (ник – •), хозяйка гостиной, представляет гостью,

natali_ya

Галину Врублевскую (ник – •). **galina_vr**

• natali_ya

Знакомьтесь – Галина Врублевская **galina_vr**

Чаще всего я сама представляю читателям своих гостей, на сей раз решила предоставить слово Галине, скопировав пару абзацев с её персонального сайта:

«Я родилась под знаком близнецов, и небесные братья мои с юных лет разрывали меня пополам. Один близнец был склонен к точным наукам, и он направил меня в мир формул и теорем: я закончила Кораблестроительный институт и еще – матмех Университета. Другой близнец оказался романтиком, любителем словесности и архитектуры. С ним мы бродили по улицам любимого города, прислушиваясь к музыке, застывшей в камне. Театральная площадь, Сенная, канал Грибоедова, – это Петербург Достоевского и мир моего детства.

Мои близнецы разбежались по разным профессиональным сообществам, и лишь неведомое «я» объединяет их в единое целое. Член Гильдии психотерапии и тренинга (с 1997 года) и член писательской Ассоциации «Соратники» (с 2001 года). Член Союза Писателей Санкт-Петербурга (с 2012 года)».

Всем добро пожаловать! Прошу задавать вопросы нашей уважаемой гостье.

Галина, доброе утро!

• – Галина Врублевская **Г.В. galina_vr**

Здравствуйте – всем (и заморские друзья, у которых уже ночь)! Хотя сегодня и тринадцатая встреча в этой гостиной (потому и начало сдвинулось), но не «пятница-тринадцатое», так что, не робейте, заходите.

• – писатель Татьяна Тронина **troninatania**

Галина, мне кажется, что стремление ко всему новому или непознанному – это, своего рода, источник молодости и сил.

Пока есть интерес – и живет в полную силу!

Расскажи, что интересно сейчас, что волнует и вызывает отклик в душе.

Г.В. • galina_vr

Вот только сегодня услышала утром по Эху Москвы, что вышла новая книга Людмилы Улицкой «Священный мусор». Так поняла, что название – переключка с ахматовским «о, если б знали, из какого сора...». То есть, сборник всякого разного, документального, что не вошло в книги, но из чего книги произрастают.

Это сразу вызвало отклик и в моей душе, поскольку что-то пытаюсь делать и я в этом направлении, хотя издание такого проблематично.

• **troninatania**

О, тоже хочу почитать!

А я всерьез надеюсь, что ученые сумеют клонировать мамонтов читала об этом статью. А вдруг?... Меня всегда интересовала биология и чудеса науки.

Статья Галины Врублевской: «Беру ли я сюжеты из жизни или выдумываю их»

Читатели и журналисты порой спрашивают меня, как я пишу романы. Всех интересует, беру ли я сюжеты из жизни или выдумываю их. У меня есть краткий ответ на этот вопрос: «Я выдумываю (предполагается, что из головы) сюжет в целом, но использую конкретные сцены, события, детали, взятые из жизни. На самом деле, это очень приблизительный ответ. А мне и самой хотелось бы лучше понять: из чего, почему и как получаются мои книги.

Мои первые литературные опыты складывались в короткие рассказы. В них находили отражение конкретные факты из жизни, а также сопутствующие им переживания. Опадали на бумагу осколки моих чувств, фотографировались счастливые моменты, сгорали сиюминутные страсти – «когда б вы знали, из какого сора...». О романах я в то время не помышляла, лишь догадывалась, что они создаются как-то иначе.

А дни бежали, закручиваясь в недели, месяцы и годы. И становилось все очевиднее, что многие двери закрылись передо мной навсегда, возможности уплыли, разноцветница вариантов потускнела. А заоблачная, возвышенная любовь, взмахнув журавлиным крылом в небе, обратилась в ускользающую вдали точку.

Понимание быстротечности времени рано или поздно приходит ко всем, и каждый встречает его по-разному. Однажды твоему взору открываются невидимые прежде просторы, когда слышишь звуки непонятно где спрятанной арфы, когда чувствуешь запахи травы над серым асфальтом. Это уже нечто большее, чем «сор». И, если уж цитировать Анну Ахматову, то совсем иные ее строки:

Невнятные голоса героев романа начинают звучать в душе (не в голове). Но голова помогает распознать их, удержать в памяти, выстроить нужным образом. В этом полубреду я написала мой первый роман «Половина любви». (Впоследствии он стал составной частью дилогии «Поцелуев мост»). Я прожила в романе еще одну, полноценную жизнь. Местами я пробежалась по знакомым тропинкам, повторила кусочки своей биографии (вот они, сюжеты из жизни), частью извела новые пути (те самые пресловутые выдумки). А небесные искусители нашептывали мне новые сюжеты. Я безнадежно влюблялась в морского капитана, плакала по ночам от безудержных чувств к пылкому юноше, падала в объятия неотразимого мачо – в своих романах, вместе со своими героинями. Вместе с ними я радовалась удачам, осмысливала ошибки, наслаждалась счастьем. Для меня, написанные мною книги – это мои параллельные жизни, а не просто занятные истории, придуманные для развлечения читателя.

В конечном счете: вымысел, напоминающий реальность, и реальность, похожая на вымысел, причудливо переплетаясь, порождают мир, в котором читателю интересно жить. Я надеюсь на это.

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.

Диалоги в виртуальной гостиной

• volha_l

Здравствуйте! Галина, расскажите, пожалуйста, об аналитике сновидений! Я предполагаю, что тема обширная, но хоть. чуть-чуть :) Очень интересно :)

Г.В. • galina_vr

Здравствуйте! Ну, если ответить кратко, то я замечу: «Не рассказывайте ваши сны кому ни попадя, ведь в них ваша сущность раскрывается больше, чем вы можете предполагать».

– писатель Юлия Шоломова **•sholomova**

Кажется, я опоздала! Хотела спросить: Галина, перечитываете ли Вы свои книги? И если да, то с каким чувством? Все нравится, или возникает желание исправить что-то?

Понятно, что на момент написания все нравилось, иначе бы и не сдавали в печать, но интересно отношение к собственным текстам по прошествии времени.

Г.В. • galina_vr

Перечитываю лишь по случаю. Например, собираюсь подарить кому или для возможного переиздания, или для выступления фрагмент выбрать.

Всегда возникает неизменный интерес к сюжету – думаю, неужели это я такие хитроумные повороты напридумывала? Но одновременно замечаются стилистические погрешности – тут тоже удивляюсь, как же я раньше их не видела.

Интервью Ольги Топровер: «Талантливый писатель не отказывается ни от мужского, ни от женского в самом себе»

Галина Врублевская – писательница, живущая в Санкт-Петербурге, прекрасно совмещающая в себе «лед и пламень», физика и лирика. Получив два технических образования, Галина когда-то оставила НИИ, в котором работала, и ринулась в психологию, но не задержалась и там, став в итоге писателем.

– Галина, как вы считаете, вам было предначертано судьбой стать писательницей или в этом виновата перестройка, заставившая искать пути выживания?

– Говорят, что от судьбы не уйдешь – согласна, но мы сами принимаем участие в том, как она складывается. Для меня судьба – это сплетение двух цепочек событий. С одной стороны, это ряд «вбросов» в нашу жизнь случайностей: болезней, трагедий или неожиданного везения, а с другой – собственные решения и поступки, сопутствующие критическим моментам жизни. Не знаю, насколько предопределены случайности, но уверена, что они всегда открывают новые возможности. Они привлекают внимание человека к собственным поступкам и жизни – подобно камню, возникшему вдруг перед колесами автомобиля.

Это как в игре в шахматы: судьба бросает вызов, а ты должен сделать ответный ход. И моя судьба – не исключение. У меня был свой «обвал» – пять дней в реанимации. После выздоровления я круто повернула жизнь, а перестройка оказалась благоприятным фоном для решения оставить инженерную деятельность. Почему-то мне казалось неуместным рассказывать о трудной странице своей жизни, и я прикрыла ее мифом о том, что перестройка «столкнула меня с инженерного стула». Но теперь, двадцать лет спустя, можно и открыться.

– И все-таки, почему вы изменили свою жизнь? Что после «обвала» вас перестало в ней устраивать?

– Все случается не вдруг. Интерес к работе был исчерпан ранее, поскольку я достигла потолка в своей области, была ведущим инженером и деятельность моя казалась мне рутинной. До «обвала» мне не хватало смелости уволиться в никуда, просто уйти «на улицу». Но в новых обстоятельствах прежние причины, удерживающие меня от резкого шага, потеряли всякий смысл. Ведь все теряет смысл перед столкновением с вечностью.

Еще работая в НИИ, я редактировала большую стенгазету, писала для нее рассказы и очерки; посещала литобъединение. Поскольку я уже прикоснулась к литературному творчеству, естественным для меня было найти журналистскую подработку. Я стала внештатным корреспондентом «Вечернего Петербурга», освещая социальные темы.

– Какие темы вы затрагивали?

– Мой проблемный репортаж «Ночлежка без ночлега» (от 8 февраля 1993 года) едва ли не впервые приоткрыл в печати проблемы бездомных. Две недели спустя этот репортаж был перепечатан в «Комсомольской правде». Также я писала репортаж о домах престарелых. Я могла бы рассказать, что мне показывали, и что пытались скрыть, но это тема для отдельного разговора.

Однако больше всего меня расстроило обстоятельство, вызвавшее гордость администрации – идеальный порядок в комнатах. Вот отрывок из моего репортажа: «Кровати застелены без единой складочки. Эта комната – победительница соревнований за чистоту. На тумбочках кое-где молитвенники, но чаще поверхности тумбочек пусты. Нигде на стенах я не видела фотографий детей, родственников». Вымуштрованным старикам не разрешалось иметь ника-

ких личных вещей, что-либо держать в тумбочке – как в казарме. Теперь, если мне случается заходить в комнаты престарелых людей, и видеть там груды милого хлама, я радуюсь за них. Они все же живут, а не уныло существуют.

Но, разумеется, заработком разовые гонорары нельзя было считать. Поэтому после курсов, оплаченных биржей труда, я приобрела профессию менеджера по рекламе. Бизнес-акцент этой сферы мне претил. Зато творческая составляющая создания рекламы повела меня далее в Институт психологического консультирования. Потом я уже сама давала частные психологические консультации, одновременно стала вести колонку сновидений в издательском доме «Женское счастье». Из статей в газете сложились просветительские книжки по этой теме. И – сюжет замыкается в кольцо – опять на горизонте замаячила художественная проза.

– Почему «сюжет замыкается»?

– А как же! В ЛИТО я писала рассказы. И повесть одну написала («Ошибка №99» – о программистах, она есть в сети на Литресе). Я посещала несколько городских ЛИТО: при заводе «Электросила», при заводе «Ленинец», «Клуб сатиры и юмора».

– В повести «Еще один шанс» ваша героиня пытается проанализировать, в какой момент она пропустила свое счастье. Есть ли в вашей жизни такие моменты, к которым вы хотели бы вернуться и поступить по-другому?

– Например, жалею, что, занимаясь в спортклубе при Ленинградском университете (в секции фехтования), отказалась поступать в это учебное заведение, причем, могла бы быть зачислена вне конкурса на факультеты физико-математического цикла. И причина донельзя глупая: не хотела «просто так сочинять теоремы» на матмехе или «идти в бухгалтеры» на экономический. А мечтала проектировать нечто особенное.

Да, мне было семнадцать лет... А время было такое романтическое и пафосное одновременно... Возможно, вся моя жизнь сложилась бы радикально иначе, окажись я в университете сразу после школы, а не в Кораблестроительном институте, куда я решила поступать.

И вторая ошибка в том, что я все же стала учиться на матмехе через десять лет, уже поработав после «Корабелки» в НИИ. Ушли годы, которые можно было бы потратить на развитие гуманитарных способностей, ведь еще в школе я пыталась что-то писать.

– Итак, у вас техническое образование. Как вам удается совмещать в себе физика и лирика?

– Техническое, и еще второе – математическое. Физик и лирик заложены в каждом человеке, а во мне они – как близнецы.

Физик помешал лирику стать поэтом, но позволил писать прозу. А лирик был добрее. Он своей необузданной фантазией расширял представления физика и помогал тому распутать головоломные сцепления прозрачных объемных фигур в начертательной геометрии.

– А как сегодня? Помогает ли вам математика писать романы?

– Помогает только общая дисциплинированность, необходимая при работе над крупной формой. Но пока игнорирую автоматизированные методы писательства, про которые читала в интернете. Хотя думаю, что они могут пригодиться тем авторам, кто вынужден ускорять процесс творения, если подписывает кабальный договор с издательством на какое-то количество романов в год. При большей производительности автора ему предлагаются более выгодные финансовые условия.

Ну а мне, перед «встречей с мирозданием» уже торопиться некуда. Поэтому я творю кустарным методом – и первую версию обычно пишу авторучкой. Даже такой посредник, как компьютер, мешает перетеканию слов из головы на бумагу. Потому что включаются не вовремя мыслительные процессы для осуществления всяких опций и функций на мониторе, что гасит поток чувств. Но когда ведущая идея наметилась, компьютер уже не помеха, а помощник.

– Что вы вкладываете в понятие «женская проза»?

Женская проза – это, в первую очередь, проза, написанная женщиной. Но, чтобы написать хорошую женскую прозу, писательница должна быть готова предъявить миру и природное, женское, и рассудительное. И, если ей удастся достичь гармонии в этом процессе, то получаются отличные книги. Но нередко авторы-женщины по каким-то причинам проявляют в творчестве только одну из своих внутренних сущностей.

Одни писательницы сдвигаются в сторону физиологии или эмоций, тогда на выходе получаем чисто сентиментальную женскую прозу. А критики, порой, ставят знак равенства между сентиментальной прозой и вообще всей прозой, написанной женщинами.

И есть другая крайность, когда женщины-писательницы культивируют в своем творчестве сугубо мужскую тональность, как бы говорят басом, подавляя свои женские интонации или даже не находя их в себе. И, назвав прозу таких писательниц «женской», вы смертельно обидите их – хотя по сути, это тоже женская проза.

– А что такое тогда «мужская проза»?

– Мужская проза – аналогично: написана мужчинами. Она тоже неоднородна по текстам. Как и женская, бывает гармоничной или с уклонами: у кого в сторону умозрительных рассуждений, у кого к физиологии. Когда слишком много мужского взгляда на физиологию, то мне, женщине, становятся неприятны или скучны такие произведения. По этой причине я перестала читать Михаила Веллера.

Например, в его романе «Самовары» – так автор назвал несчастных безногих инвалидов – герои, проснувшись утром в многоместной палате госпиталя, сидят в кроватях, хвастаясь друг перед другом движением своих «мужских достоинств». Есть также множество откровенных сцен, связанных с общением с медперсоналом. Но написано убедительно!

Так что, не бывает просто текстов, созданных вне пола. Хотя есть писатели – мужчины и женщины – которые игнорируют свой пол, создавая «рассудительную» прозу. Иногда писателям даже удается внедренную в книгу мысль вознести к философским вершинам, но при этом книга не затрагивает чувств читателей, оставляет их равнодушными, потому что они живут в реальном мире, во всем его разнообразии, а не в монастыре.

Другая крайность – сдвиг в сторону проблем своего гендера. Это сразу отсекает заметную часть читателей противоположного пола.

Так что я за мужскую и женскую прозу, но такую, где явлена гармония души и тела.

Замечу, что я веду сейчас разговор в рамках психологического литературоведения, дисциплины сравнительно новой, хотя и по ней уже написаны диссертации.

– Кто ваши читатели? Хотели бы вы, чтобы ваши книги читали не только женщины, но и мужчины?

– Я могу лишь косвенно судить о составе читателей по рейтингам на электронных ресурсах и соседям по этому рейтингу. Моя читательская аудитория почти везде пересекается с аудиторией популярной писательницы Даниэллы Стилл. Составляют ее, в основном, женщины. Помимо соседства в списках магазинов с этой американской писательницей, немало общего у нас в самих книгах. В наших романах находят место авантурные приключения героев, взаимоотношения мужчин и женщин, реализация в профессии, вера в себя, борьба с социальным злом. С той лишь разницей, что, живя в России, я вижу социальное зло в другом воплощении.

Думаю, что мои книги могут быть интересны и мужчинам (их с удовольствием читают мои коллеги по писательскому цеху), но женщинам они должны нравиться в большей степени. Вообще, тут многое зависит от того, на какие полки поставит в магазине твои книги продавец.

– В трудные времена перемен, которые мы все еще переживаем, хочется открыть книгу и помечтать о принце на белом коне. Но ваши произведения заставляют думать. Например, не все так просто в судьбах женщин в романе «Жена, любовница, подруга». Так почему вы не пишете про принцев?

– Да, издатели могли бы предъявить мне претензии, что я нарушаю чистоту жанра, ответственного моим книгам сегодня. Мои принцы отличаются от сказочных. А гипотетические критики способны упрекнуть: пишешь, дескать, любовные романчики и не прикрывайся «осмыслением» явлений. А в упомянутом романе все перипетии с героями происходят на фоне строительных махинаций вокруг Олимпиады в Сочи. Вот и получается, что и осмысляешь, и развлекаешь одновременно. И еще о «принце на белом коне». Каждой читательнице он видится по-разному. А мужчин-героев у меня во всех романах поряточно: и толковые, и глуповатые, и оборотистые, и себе на уме, и смелые, решительные – выбирай любого и возводи его в ранг принца (что в жизни мы обычно и делаем).

– А вы сами когда-нибудь мечтали о принце на белом коне?

– А как же! Вначале для себя, потом уже для дочерей. Этот миф живет в женском сердце вечно! Все подвержены идеализациям, даже мужчины не исключение: они ведь тоже мечтают, что их избранница будет особенной. Только женщины труднее расстаются со сказочными снами – значит, им это зачем-то надо.

– Кого из писателей вы могли бы назвать своим кумиром?

– Пожалуй, таким писателем для меня стал еще в 90-е годы Владимир Набоков, когда я впервые прочитала и «Машеньку», и «Защиту Лужина», и «Дар», и «Другие берега» и остальное, что у нас начало тогда издаваться. Почему? Я давно нашла ответ и на этот вопрос: сколько бы я ни пыталась разгадать секрет его удивительной прозы, понять «как это сделано», я пасую. Попадаю под очарование его стиля, будто в паутину, и, углубляясь просто в чтение, постепенно забываю свое дотошное «Ну, как?!».

– Все-таки ваш любимый писатель – мужчина. Почему?

– Именно потому, что Набоков представляет собой не рассуждающего философа, а писателя мужского-гармоничного. Исключая, пожалуй, «Лолиту», во всех остальных его произведениях мужское и духовное переплетено очень тесно, в почти идеальных пропорциях.

А среди современных писателей я назвала бы Людмилу Улицкую, но у нее я больше люблю рассказы, чем романы.

– Улицкая тоже не пишет про принцев. Не по этому ли принципу вы ее выделяете?

– Я ее выделяю не по отсутствию чего-то, а по наличию. В лучших ее произведениях можно найти всё: и чисто женские проблемы, и социальные, и мировоззренческие.

– Можно ли сказать, что если писатель талантлив, то его проза обязательно будет или женской, или мужской? И где граница, не позволяющая произведению стать «слишком мужским» или «слишком женским»? А нужно ли вообще задумываться о таких границах?

– Талантливый писатель, делая ставку на мысль в произведении, не отказывается ни от мужского, ни от женского в самом себе, то есть от своего природного естества. А если кто-то пожелает отмежеваться от своего пола, говоря о своем творчестве, это бессмысленно. Безусловно, любая проза является мужской или женской. Как говорил господин Журден: «Я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой».

При этом писателю не вредно поразмышлять: не слишком ли он склонился к своему полу? Или полностью утратил половую идентичность? Потому что оскропленные произведения отражают жизнь лишь на уровне одного полюса (рассудительного либо природного-телесного).

А критикам-литературоведам и вовсе необходимо ознакомиться с курсом «психологического литературоведения» прежде, чем навешивать гендерные ярлыки на писателей.

Лишь читателю можно не задумываться над всякими границами и терминами, а просто интуитивно искать свое – то, что ложится на его душу или трогает разум.

Интервью Ольги Топровер на ресурсе ["Проза.ру"](http://proza.ru)

Диалоги в виртуальной гостиной

– писатель Ирина Лазарева • **irina_lazareva**

Галя, для себя я заказала книгу «Половина любви». Думаю, не прогадала, если, как ты говоришь, книга – первенец. В первой книге всегда самые свежие, самые яркие впечатления. А как ты сама относишься к этому роману?

Г.В. • galina_vr

Ира, не стану перечислять все огрехи, которые я могу видеть с моим нынешним опытом – это для частного профессионального разговора. Но отмечу лишь то, за что я его люблю.

Этот роман писался без всякой оглядки на жанр, а потому он с большой полнотой отражает реалии начала 90-х. Охват слоев жизни тоже колоссальный: бизнес, наука, мелкие предприниматели, и забулдыга там есть – очень удачный образ. И героиня интересная.

Статья Галины Врублевской: «„Лишние люди“ в романах двух Александров»

Я выделяю две причины, заставляющие меня запомнить имя автора книги. Первая – чтить творца. Другая прагматичная: через его биографию глубже проникнуть в произведение, и этот момент рассмотрю подробнее.

Каждый из нас знаком с Евгением Онегиным. Еще в школе мы разобрались, почему герой стал «лишним человеком», заскучал, отчего не служил Отечеству. Добавляло ли новых красок при восприятии романа знание имени автора, его биографии? На мой взгляд – самую малость. «Энциклопедию русской жизни» Александра Пушкина можно читать и как безымянное произведение, поскольку в романе дан подробный контекст происходящего.

А теперь представьте, что вам в руки попал роман «Матисс» современного писателя, тоже Александра, но Иличевского. Вы незнакомы с биографией автора, но пытаетесь вникнуть в мотивы поведения его героя: математик, лишенный возможности работать по специальности. Вам даются мельчайшие нюансы движения ума (не души) этого персонажа. Вот как он тоскует:

«Когда Королев тосковал, он старался глубже задумываться. Энергия рассуждения расстрачивала тоску». Далее следуют рассуждения о судьбе Родины (с большой буквы) и вывод о том, что «снаружи Родины теперь нет. Зато она есть внутри и давит». В поисках цели существования герой обращается к жизнеописаниям старцев-пустынников, трудам философов и находит истину в изречении: «отказ от себя – погружение в „пропасть абсолютной бедности“ растворит личность в Боге».

Однако растерянный математик, утративший работу, сворачивает с проторенных дорожек поиска смысла жизни. Его не привлекает ни монастырь, ни тибетское уединение, ни стремление оказать помощь, скажем, бездомным людям. Бездомность я сюда приплюсовала умышленно, ибо герой выбирает модную тропу даун-шифтинга, то есть, бросает все и подается в бомжи (даже ключи от квартиры бросает в реку). Готовится к своему походу в нижний мир персонаж основательно, как альпинист. Только покоритель гор тренируется в спортивном зале, лазая по специальным стенкам, а математик Королев берет теплое одеяло, мадеру и сыр и устраивается ночевать в парадном. Автор так и сообщает читателю: «Это была тренировочная ночевка» – идет подготовка к бездомной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.